

Курьезы цензуры.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Въ 1897 году въ „Военномъ сборникѣ“ были напечатаны статьи „Турецкій походъ 1877—1878 годовъ“, въ которыхъ авторъ, пользуясь своимъ краткимъ дневникомъ, веденнымъ во время кампаніи, подѣлился съ читателями впечатлѣніями юнаго офицера, которому выпало на долю принять участіе въ достопамятномъ походѣ за освобожденіе нашихъ угнетенныхъ братьевъ - славянъ отъ турецкаго ига.

Замѣтки эти, изложенныя безхитростно и въ патриотическомъ духѣ, были проникнуты любовью къ арміи, снова покрывшей свои знамена неувядаемою славою, и докатившейся грозными волнами до воротъ Царьграда.

Въ отчетѣ редакціи военному министру было высказано такое мнѣніе объ этихъ статьяхъ: „живой рассказъ о впечатлѣніяхъ автора, бывшаго тогда молодымъ офицеромъ, поставленнымъ впервые лицомъ къ лицу съ непріателемъ и призваннымъ къ исполненію своего долга, представляетъ интересъ въ психологическомъ отношеніи, обнаруживая, какимъ образомъ различные факты походной и боевой жизни отражались на духѣ войскъ. Многіе эпизоды военныхъ дѣйствій, затронутые въ этихъ статьяхъ и уже изложенные обстоятельно другими военными писателями, освѣщены субъективными объясненіями автора, дающими иногда новыя точки зрѣнія для историка“. Автору желательно было получить отдѣльные оттиски своихъ статей, о чемъ и было сдѣлано соответственное заявленіе.

Послѣ долгаго ожиданія, авторъ получилъ письмо отъ редактора „Военнаго сборника“ съ приглашеніемъ зайти въ редакцію переговорить по интересующему его дѣлу.

Оказалось слѣдующее: по недоразумѣнію, вмѣсто того чтобы прислать просимые имъ 25 оттисковъ, эти статьи были дословно отпечатаны въ видѣ отдѣльной брошюры, которая по существующимъ правиламъ и была представлена на просмотръ военному цензору генераль-маіору Л. Л. Лобко.

Не взирая на то, что статьи уже были напечатаны въ „Военномъ сборникѣ“, цензоръ не согласился выпустить на свѣтъ Божій эту невинную брошюрку и, пустивши въ ходъ свой красный карандашъ, заявилъ, что разрѣшеніе будетъ дано лишь тогда, когда зачеркнутыя имъ фразы будутъ исключены. Такъ какъ эти скромныя замѣтки не были настолько интересны и важны, чтобы вновь набирать брошюру и нести извѣстные расходы на ея печатанье, то и не стоило подымать изъ-за пустяковъ исторію и подавать жалобу въ главное управление по дѣламъ печати.

Представляется интереснымъ отмѣтить, что именно было признано недопустимымъ въ этихъ статьяхъ. Описывая форсированное движеніе, при крайне тяжелыхъ условіяхъ, авторъ упоминалъ, что „появились отсталые и среди нихъ, конечно, оказались и охотники попользоваться чужимъ добромъ,—благодаря не всегда возможно было отличить турецкое отъ болгарскаго“. Говорилось также „что случаи мародерства неизбежны, даже при самыхъ строгихъ мѣрахъ къ ихъ искорененію. Проявленіе подобныхъ несимпатичныхъ поступковъ бывало всегда и во всѣхъ войскахъ, и счастлива та армія, въ которой мародерство могло быть примѣнимо лишь изрѣдка къ отдѣльнымъ единицамъ сложнаго войскового организма“.

Указывалось далѣе, что „нашлись охотники итти по стопамъ мародеровъ, но что появленіе офицера пріостановило штурмъ виннаго подвала; братушки и обратили въ постыдное бѣгство главныхъ зачинщиковъ грабежа“.

Всѣ эти фразы, взятыя въ кавычки, были вычеркнуты строгимъ цензоромъ, по мнѣнію котораго, очевидно, нельзя было говорить о возможныхъ случаяхъ мародерства въ нашей арміи.

Какъ будто война представляла собою увеселительную прогулку, а тысячи солдатъ—институтъ благородныхъ дѣвицъ добраго стараго времени!

По поводу неудачнаго размѣщенія войскъ на ночлегъ и отсутствія инициативы у частныхъ начальниковъ, было сказано: „очевидно, что высшее начальство, руководившее операціями многихъ частей, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ, не могло входить въ разсмотрѣніе различныхъ деталей, а тѣмъ болѣе порядка расположенія войскъ на ночлегъ.“

„Мирная подготовка войскъ тоже давала себя чувствовать.—

расположеніе по квартирамъ на маневрахъ не практиковалось и недостатокъ навыка въ этомъ дѣлѣ велъ къ болѣе частому расположенію войскъ бивачнымъ порядкомъ, что, безъ сомнѣнія, тяжело отзывалось на здоровьи людей“.

Все это рука цензора зачеркнула,—видя въ этомъ, должно быть, злонамѣренную критику дѣйствій начальства!

При описаніи расположенія войсковой части, на третій день боя въ окрестностяхъ Филиппополя, въ деревнѣ Кукленъ, брошенной жителями, упоминалось, что эта деревня была полною чашею, что въ ней было найдено много скота, домашней птицы и всякой провизіи, особенно же обиліе сладостей—громадные кувшины варенья и мѣшки очищенныхъ гредкихъ орѣховъ, почему солдаты и окрестили ее наименованіемъ Медовой. Разумѣется, всѣми запасами мы воспользовались даже выше мѣры. Въ эту же ночь по близости въ г. Станимака, провелъ нѣсколько часовъ главнокомандующій турецкой арміей Сулейманъ-паша, съ остатками разбитой арміи; этого мы, къ сожалѣнію, не знали и упустили случай нанести туркамъ послѣдній ударъ.

Обстоятельства слагались для насъ, въ это время, чрезвычайно благопріятно, но неправильная организація отрядовъ, отсутствіе между ними связи и малая распорядительность частныхъ начальниковъ лишили насъ возможности вилести еще новые лавры въ побѣдный вѣнокъ доблестной нашей арміи.

Свое повѣствованіе объ этомъ эпизодѣ авторъ закончилъ словами: „все можно объяснить случайными и неблагопріятными обстоятельствами, но человѣку, даже не чувствующему за собой вины, какъ-то неловко было вспомнить, что нѣсколько часовъ, проведенныхъ нами въ Медовой деревнѣ, лишили насъ славы“...

И эта фраза почему-то не понравилась цензору! Описывая форсированный переходъ къ Адрианополю, авторъ упомянулъ, что усталые люди еле передвигали ногами, „а насъ все гнали и гнали точно на пожаръ“...

А затѣмъ, когда войска, прибывши на ночлегъ, долго ждали приказаній, лежа въ грязи и подъ дождемъ, то было отмѣчено, что „отсутствіе инициативы у частныхъ начальниковъ и тутъ принесло свои горькіе плоды“.

Тяжелая рука цензора не пощадила и этихъ строкъ...

Къ указаніямъ на нѣкоторые безпорядки, при перевозкѣ больныхъ изъ С. Стефано на родину, цензоръ отнесся прямо таки удивительно,—изъ текста были имъ вычеркнуты слѣдующія слова: „мы отнюдь не имѣемъ въ виду осуждать недостаточную, быть можетъ, распорядительность нѣкоторыхъ лицъ, поставленныхъ во главѣ

дѣла, такъ какъ, во-первыхъ, не знаемъ хорошо тѣхъ условій, въ которыхъ они находились, а, во-вторыхъ, вполне понимаемъ трудность новаго и сложнаго дѣла, которое они призваны были осуществить“.

Тутъ даже трудно понять тѣ мотивы, которыми руководствовался цензоръ, зачеркивая эти строки. Видимо, онъ просто считалъ, что своя рука владыка:—хочу пропущу, захочу зачеркну!

Послѣднее онъ, кажется, сдѣлалъ съ особымъ удовольствіемъ, когда авторъ, описывая тяжелое положеніе больныхъ, послѣ 2 дневнаго плаванія по морю въ свѣжую погоду, въ трюмахъ парохода, еще не приспособленнаго для ихъ перевозки, выразился такъ: „лишь съ горькою ироніею можно было назвать наше временное жилище санитарнымъ пароходомъ“.

Какъ-то странно вспоминать теперь, что всего 13 лѣтъ тому назадъ возможно было такое, выражаясь деликатно, легкомысленное отношеніе къ серьезному дѣлу!

Невольно напрашивается вопросъ: можетъ ли идти вполне хорошо какое бы то ни было дѣло при такихъ дѣятеляхъ и каково было положеніе авторовъ, которымъ приходилось вступать въ непосредственныя сношенія съ подобнымъ цензоромъ?

Сообщилъ Д. Баланинъ.

